
МУРЗИЛКА
N-12
Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов
Декабрь 1948

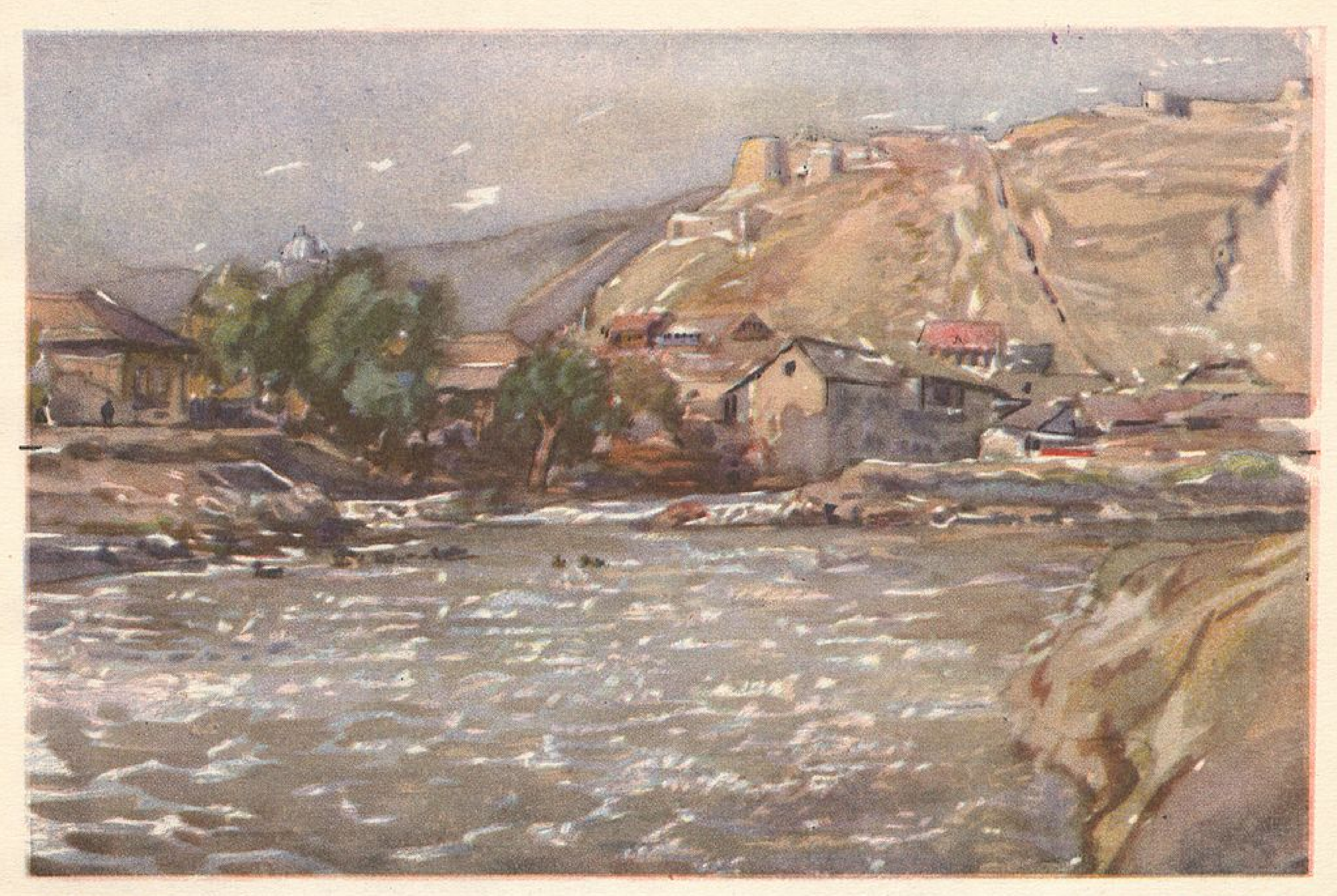

ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ

Глубокой ночью где-нибудь под Москвой спят безмятежным сном ребята, а уже первые лучи солнца осветили самые далёкие земли Советской страны. Сначала солнце заглянуло на Курильские острова — проснулись советские рыбаки, задымили фабрики. Вот заглянули солнечные лучи в глухую тайгу. Там строят социалистические города, пашут новые земли под колхозные поля. В безводных пустынях Средней Азии советские люди прокладывают оросительные каналы. При помощи их колхозники превращают пустыни в плодородные нивы.

А солнце уже позолотило седые кремлёвские башни и бежит дальше — на запад, на Украину, в Белоруссию. И всюду, куда бы ни заглянуло солнце, видно, как дружно живут и хорошо работают советские люди. Каждый из них знает, что работает на общую пользу, что все богатства великой, необъятной родины принадлежат народу. Они живут и трудятся, как одна большая и дружная семья, в которой двести миллионов человек. У них один план работ — сталинская пятилетка; у них одни законы, которые записаны в Сталинской Конституции. Это законы счастливой, радостной и свободной жизни.

5 декабря, когда ты смотришь на листочек календаря, запомни, что это большой праздничный день для каждого советского человека. В этот день двенадцать лет назад была утверждена Сталинская Конституция — Основной Закон советской родины, — которая, как солнце, озаряет всю нашу землю.

Л. КВИТКО

Рис. Н. СОКОЛОВА

В ГОРИ

Бедный домик в Гори,
Ветхий пол дощатый.
В светлый час родился
Сталин здесь когда-то.

С этого порога,
Из каморки тесной
Он смотрел ребёнком
В мир большой, чудесный.

Видел в отдаленьи
Склон горы зелёной,
Видел, как сползают
Облака по склону.

Вот Кура с Лиахвой,
Истомясь в разлуке,
Через луг друг другу
Протянули руки.

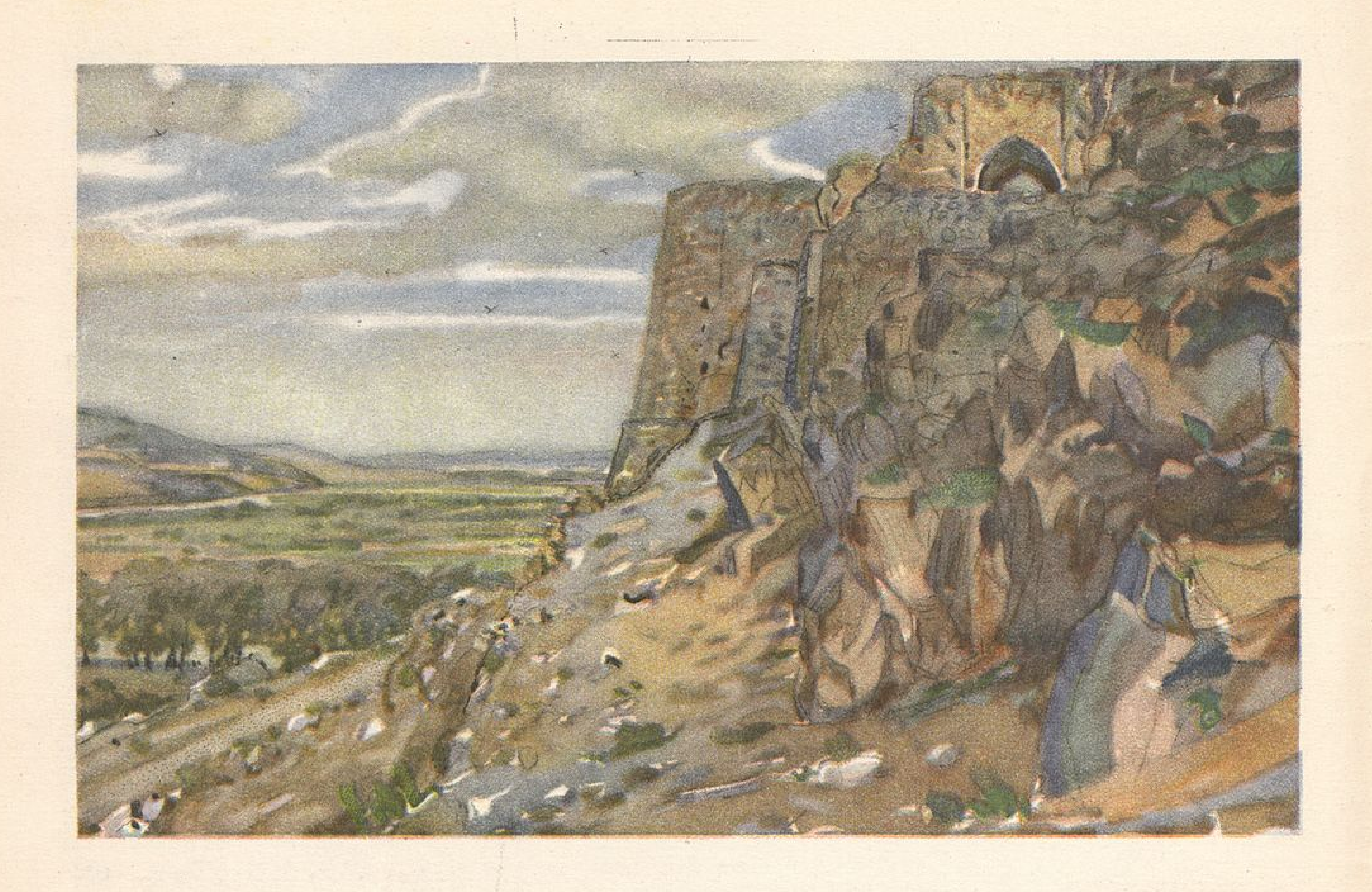
И струятся вместе,
Слившись воедино.
Дружбы их свидетель —
Мост стоит старинный.

В доме всё, как прежде,—
Утварь, табуреты,
С детства дорогие
Сталину предметы.

Склонится в раздумьи
Каждый у порога,
Стол увидев грубый,
Хлебный ларь убогий.

Этот ветхий домик
Стал гнездом орлиным,
Этот кров бедняцкий —
Кровом исполина.

Вышло из каморки
Низкой, тёмной этой
Солнце, что согрело
Все народы света.

ДОРОГА В ШКОЛУ

Петь мне песню хочется, —
Так душа полна;
Дом воспеть и рощицу,
Что за ним видна,

Ту тропу отлогую,
Что так манит нас.
Сталин той дорогою
Проходил не раз.

Если вниз по склону он
В школу шёл с утра,
Перед ним зелёная
Высилась гора.

Как порою позднею
Шёл обратно он,
Видел крепость грозную
Дедовских времён.

Та гора зелёная —
Вечной жизни цвет;
Крепость непреклонная —
Памятник побед.

Весь прошёл от дома я
И до школы путь.
Чувство незнакомое
Волновало грудь.

Пусть тем чувством теплится
Эта песнь моя,
Пусть со всеми делится
Тем, что видел я.

Сталин той дорогою
Проходил не раз,
Потому здесь многое
Так волнует нас.

Перевод Т. Спендиаровой

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА
и Ю. КОРОВИНА

ЮГ И СЕВЕР

Река Парана очень далеко. Над нею круглый год светит жаркое солнце — даже тогда, когда у нас на дворе стоят январские морозы. От солнечного тепла над рекой чуть колеблется густое облако тумана, весь воздух вокруг тёплый и влажный, как в бане, и от этого травы по берегам разрастаются пышно, а деревья вырастают такие большие, что надо закинуть назад голову, чтобы увидеть их вершины. Толстые стволы обвиты, точно змеями, длинными ползучими растениями, а в воде колышется виктория регия — удивительный цветок, с такими широкими листьями, что на каждый лист может усесться маленький мальчик или девочка.

На больших деревьях живёт лори — зверёк с собачьей мордочкой и обезьяньим тельцем. Он смотрит сверху на пустынные берега Параны и думает, что это и есть вся земля.

Лори — южный зверёк. Он не знает, что на свете есть север с холодными реками и северными деревьями — ёлками и соснами, которых он никогда не видел. Он думает, что его река течёт через всю землю и что повсюду растут деревья с такими же толстыми стволами и растения с листьями большими, как речной плот, сколоченный из досок.

Только люди знают про север, юг, восток и запад и про то, какие где растут цветы и деревья, потому что человек умеет ездить, летать, плавать, читать, думать... Поэтому для человека земля большая, изрезанная морями и реками, пересечённая длинными дорогами, населённая разными зверями и птицами, цветущая разными цветами и травами.

* * *

Когда отцвела виктория регия, учёный ботаник собрал её семена, положил в пакет и отправил на север — в Ботанический сад.

В Ботаническом саду, куда пришли семена виктории регии, работала садовником Александра Ивановна Фокина. У неё была дочка Саша.

Саша была самая обыкновенная девочка, такая же, как все. Только адрес у неё был особенный. Подруга её часто писала ей письма из Киева и надписывала на конверте сперва название города, потом название улицы, а вместо номера дома просто: «Ботанический сад».

Саша жила в саду. Конечно, не на грядке — как незабудка или анютины глазки, а в доме — как и полагается жить девочке. Этот дом был низенький, деревянный и стоял у самых ворот сада — рядом с будкой кассирши.

За оградой был большой шумный город, но мимо Сашиного дома никогда не проехал ни один трамвай, троллейбус или автобус. Над ним шелестели деревья, и Саша так часто слышала их шелест, что научилась узнавать, какой голос у какого дерева. Она была уверена, что большие (особенно старший садовник) ещё лучше слышат и понимают голоса деревьев, только не любят про это говорить.

Раз в десять дней Саша помогала маме поливать кактусы. Она была бы готова поливать их каждый день, но мама не позволяла. Мама говорила, что эти кактусы привезли из жарких стран, что дома у себя они растут на каменистых сухих нагорьях, где очень редко идёт дождик. Поэтому они привыкли пить не часто, но помногу.

Для растений жарких стран в глубине Ботанического сада были построены особые длинные домики со стеклянными крышами. Сквозь стёкла крыш зимой и летом глядело северное небо. А внутри, под прозрачными потолками, было жарко и душно даже тогда, когда на дворе стоял январь. Сашина мама и другие садовники следили днём и ночью, чтобы трубы парового отопления не испортились и не перестали греть даже на один час, даже на одну минуту.

Кактусы росли в маленьких горшочках. Из сухой, растрескавшейся земли торчали их колючие рыльца.

* * *

У входа в оранжерею, на каменной подставке, в маленьком бассейне, росла мамина гордость — только что родившаяся виктория регия.

Когда письмо того учёного с запечатанными в него зёрнами дошло до Ботанического сада, Сашина мама высадила викторию регию в крошечный горшочек и опустила горшочек под воду, в этот бассейн. Вода в бассейне была такая тёплая, что если окунуть в неё руку с мороза — рука сразу отогревалась.

Саша знала, что мама очень старается, ухаживая за викторией регией, для того чтобы это южное растение зацвело в их северном городе. Когда мама очищала бассейн от водорослей, Саша помогала ей.

В бассейне плавали золотые рыбки. Они питались водорослями и тоже помогали маме очищать бассейн.

Под водой, над горшочком с викторией регией так красиво горела их золотая чешуя, что Саша, заглядевшись на рыбок, сразу высыпала в бассейн всю их дневную порцию крошек и зёрен, которые они очень любили. Рыбы сейчас же собрались в воде стайкой, разинули острые жадные рты и завиляли своими жгуче-золотыми хвостиками.

* * *

Однажды, когда была суровая северная зима и Сашина мама дежурила в ночную смену, Саша понесла ей ужин.

Она оделась, взяла в руку котелок и пошла одна по тёмному саду.

В саду в этот вечер было ещё темней, чем всегда, потому что была вьюга. Ветер подхватывал снег на лету и крутил его в воздухе. Снежные облака заслоняли луну, и всё вокруг было белым от снега и тёмным от ночи.

От снега и ветра Саше трудно было дышать.

Она шла через тёмный, безлюдный, ветреный, словно покинутый людьми сад, по знакомым дорожкам, и не узнавала их — такими большими и толстыми стали деревья и кусты. Весь сад покрылся длинными, волнистыми сугробами, словно это был не сад, а море — большое, белое, без берега и без паруса.

Одни лишь белые волны ходили по нему ходуном. Вьюжная пена с их гребешков била Саше в глаза.

А по дорожке, рядом с Сашей, бежал ветер.

Наконец Саша добралась до маминой оранжереи и изо всех сил дёрнула дверь. Дверь распахнулась.

Ветер острой струёй ворвался вместе с нею в коридор оранжереи. Он зашумел, задул, заскулил.. И вдруг заклубился паром под самым потолком и растаял. Это Саша догадалась поскорей захлопнуть за собой дверь и закрыть её на крючок.

— Ой, мама! — сказала Саша, тяжело дыша, и поставила на пол котелок со щами.

— Да что же это такое? — ответила Сашина мама, разом забыв все учёные слова. — Да как ты только додумалась выйти из дому в такую погоду? Да как я теперь до утра досижу, не зная, дошла ли ты обратно домой? Сиди теперь тут. Пойду в обход, попрошу кочегара, чтобы он тебя проводил... Наказанье ты мое!

Мама ушла в обход, а Саша сняла в коридоре шубейку и села на табуретку около виктории регии.

* * *

В оранжерее слабо горела маленькая электрическая лампа. Пахло зеленью, терпким и свежим запахом травы, а на улице зима хлестала в стёкла снегом, и бил о переплёты крыши северный ветер.

Другой девочке, может быть, было бы интересно остаться ночью, совсем одной, в оранжерее Ботанического сада. Но Саша знала здесь каждый уголок. К тому же был уже поздний вечер, а она ещё не успела приготовить на завтра русский письменный. Ей было очень грустно.

От нечего делать Саша наклонилась над бассейном и стала глядеть на золотых рыбок. Но рыбы дремали, — у них уже была ночь, и девочка тоже задремала, положив руку на край бассейна.

Саша спала и даже начала уже что-то видеть во сне, как вдруг услышала сквозь сон, что над самым её ухом зазвенел колокольчик. Он звенел пронзительно и тонко и дул Саше в щёку морозным воздухом зимы.

«Что же это такое? — подумала Саша. — Уже на урок звонят, а я ещё не приготовила русский письменный».

Она вскочила, открыла глаза и вдруг увидела над собой в стеклянном потолке оранжереи большую чёрную дыру...

...Это разбилось стекло, это оно упало в бассейн и зазвенело, будто колокольчик.

В чёрную дыру вошёл снег. Он заклубился густым паром по всей оранжерее и стал выдувать лето.

Морозная дыра в окошке была над самой маминой викторией регией. Вот упал с крыши в бассейн большой ком снега и, пенясь, стал таять в тёплой воде.

...Значит, не зацветёт виктория регия, которую мама вместе с Сашей сажала в глиняный горшочек... Замёрзнут кактусы...

* * *

Саша быстро оделась и открыла дверь оранжереи. За дверью были ночь и ветер. Они словно обрадовались Саше, подхватили её, оторвали от дверей и потянули куда-то вперёд, в темноту. И Саша пошла, спотыкаясь, по рыхлому, пухлому снегу. Её валенки оставляли на снегу маленькие глубокие следы. Снег забирался в Сашины валенки и, отогревшись, таял.

Ещё белей и темней стала вьюжная ночь на дворе. Ночь без людей, в пустынном Ботаническом саду.

Вот крыша оранжереи. Она покатая и узкая — похожа на две карты, из которых построили домик. Крыша белая, её тоже всю завалило снегом... Только одно чёрное пятно темнеет на ней — разбитое окошко. Значит, вот откуда сыплется снег и дует ветер в бассейн с маминой викторией регией. Пока Саша стоит и думает, они, может быть, уже заморозили викторию регию до самых корней.

Саша тянется рукой к пролому в стене. Но у неё нет ни ватника, ни тёплого платка, чтобы закрыть чёрную дыру. На ней самая обыкновенная вязаная шапочка.

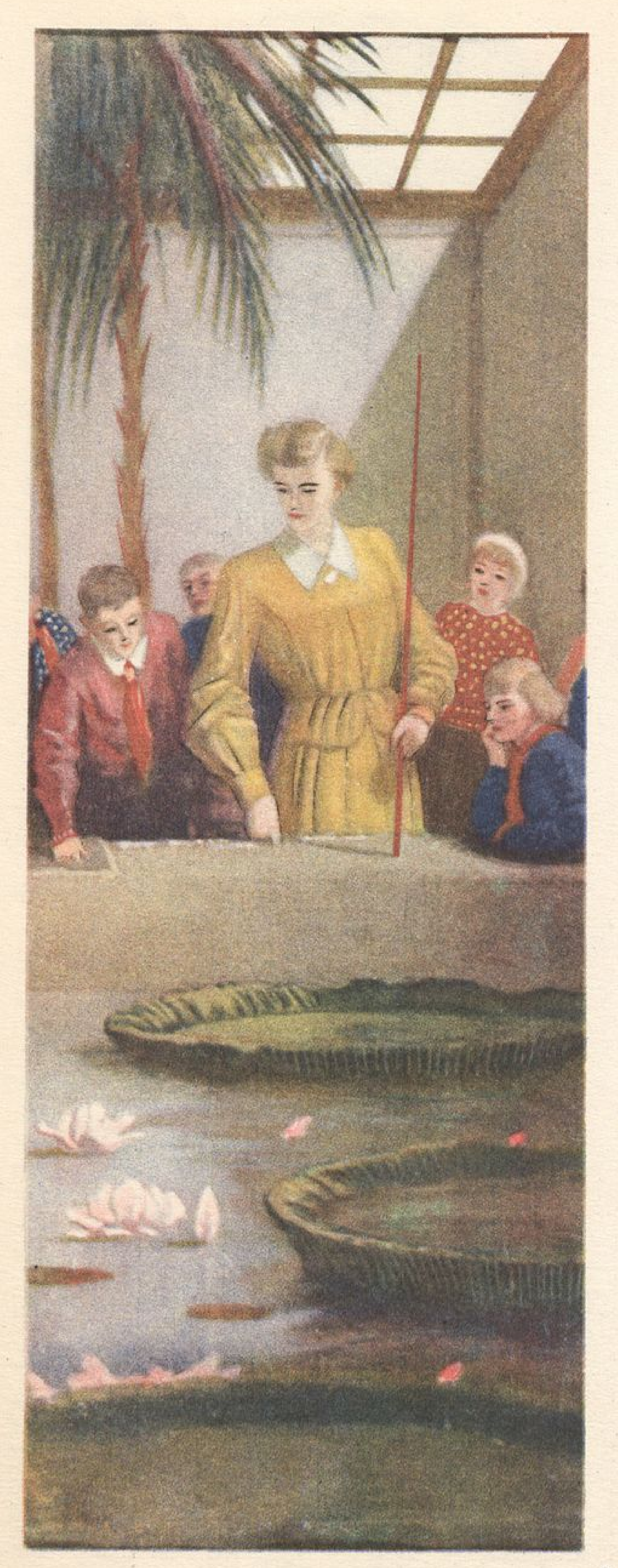
Что же делать?

Саша привстала на цыпочки и привалилась к разбитому окошку.

* * *

Она сама не знала, долго ли простояла так, прислонившись к чёрной дыре. Но ей

казалось, что она стоит долго, очень долго, и что очень долго не идёт мама.

А ветер и мороз становились всё сильнее, даже снег перестал падать, такая стужа была на дворе.

Саше было очень холодно. Её ноги в мокрых валенках начали ныть, а руки так замёрзли, что она уже не могла разогнуть пальцы. Саша крикнула: «Мама!» и заплакала.

Ветер сразу дунул и заморозил её слёзы. Ему уже давно нечего было делать, он всё переделал в саду...

Это он засыпал снегом дорожки сада так, что от них не осталось и следа.

Это он сломал верхушку серебристого тополя и перебросил её через высокий забор.

Это он, ветер, вышиб деревянный брусок, подпиравший ветку даурской лиственницы, и кинул его со всего размаху в крышу оранжереи, разбив стекло над викторией регией.

Теперь даурская лиственница шелестела своими тонкими голыми ветвями, и её не гнущиеся от холода ветки лепились к снегу, покрывшему землю.

Скрип, свист, хруст снега сливались во множество едва уловимых звонких и тонких звуков морозной ночи. Но Саша не слышала их. Она давно уже перестала плакать и звать маму и тихонько спала, положив щёку на рукав своей мокрой от снега шубейки.

* * *

А в это время по дорожке сада шёл к оранжерее кочегар, которого мама послала за Сашей.

От него пахло дымом и копотью. Между морщин у его серых глаз залегли глубокие угольные бороздки. Много пришлось потрудиться кочегару в эту ночь, чтоб отогреть все растения Ботанического сада, впустить лето во все стеклянные его дома и выгнать оттуда месяц январь...

Кочегар уже прошёл мимо даурской лиственницы, когда увидел на белой крыше оранжереи тёмный рукав Сашиной шубки. Сперва он не понял, что это Саша, а когда догадался, крикнул сердитым голосом:

— Ты что тут делаешь, озорница?!

Саша не отвечала.

— Мать, видно, пугать вздумала? — сказал кочегар. — По крышам стала лазать в пургу...

Саша молчала.

Тогда он совсем рассердился, шагнул в сугроб и дёрнул за рукав шубейки.

— Слезай-ка отсюда! — сказал он таким сердитым голосом, что даже снег посыпался с веток даурской лиственницы. — Некогда мне с тобой в прятки играть. Слезай-ка, слышь?

И Саша услышала.

— Нельзя... Тут дует... — ответила Саша.

— Ах, ты батюшки, ах, ты батюшки!.. — взмахнул обеими руками кочегар и, оторвав Сашу от стекла, увидел чёрную дыру в крыше.

Тогда он быстро снял с себя закоптелый ватник и заделал им пролом в стекле. А потом, бормоча про себя что-то непонятное, бережно поднял Сашу и понёс в оранжерею.

* * *

На следующий день стекольщик вставил в крышу оранжереи новое стекло, а садовник подставил новую подпорку под ветки даурской лиственницы. А когда пришла весна, Сашина мама пересадила викторию регию из её глиняного горшочка в большой широкий бассейн, и та зацвела, как у себя на родине.

Осенью весь бассейн покрылся белыми продолговатыми цветами, немножко похожими на нашу кувшинку, только гораздо большими.

Утром цветы виктории регии были такие белые, что, кажется, белей нет ничего на свете. К полудню они делались нежно-розовыми, а к вечеру бархатно-красными.

Со всех сторон города, изо всех школ поодиночке и целым классом приходили в Ботанический сад школьники смотреть на викторию регию.

Экскурсовод взмахивал своей длинной палочкой и показывал на большие цветы, спокойно лежавшие в бассейне среди огромных плотных листьев с загнутыми краями.

— Перед вами, ребята, виктория регия, — говорил экскурсовод. — Она цветёт далеко, в жарких странах. Посмотрите, какие у неё большие, крепкие листья. На каждый листок может сесть маленький мальчик или маленькая девочка, — листок, как плот, понесёт его по воде.

— Ну, так я сяду. Посади меня! — сказал самый маленький мальчик своему старшему брату.

Мальчику было всего пять лет.

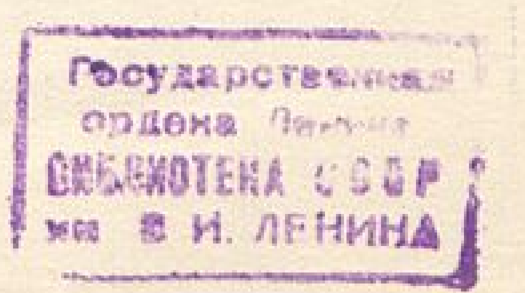
Он стоял у бассейна, тянул к нему свои короткие, толстые ручки и смотрел на большие белые цветы и маленьких красно-золотых рыбок.

А у входа в оранжерею стояла Сашина мама и тоже смотрела на викторию регию.

Она знала каждую жилку на её больших листьях, знала, сколько цветов на каждом её стебле, какие водоросли растут на дне бассейна и какие в нём живут рыбы.

Виктория регия была ей так дорога, будто стала её собственной дочкой. То ли потому, что много трудов положила учёная садовница, чтобы вырастить её на севере, то ли потому, что в ту вьюжную ночь её Саша закрыла собой от холода этот хрупкий цветок.

БОГДАН ЧАЛЫЙ

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

БАЛЛАДА О ЖИВОМ МАНЕКЕНЕ

В Лондоне, на улице широкой,
Где самый модный детский магазин,
Стоит в витрине мальчик синеокий —
Забава для гуляющих разинь.

Как неживой, не шелохнётся даже
Тот разодетый мальчик за стеклом.
Он — манекен.
Для выгодной продажи
Пальто, костюм
И шапочка на нём.
А за прилавком
Взбешенный хозяин,
От злости перекошен и надут.
Проходят мимо
Жители окраин,

А в магазин богатый
не идут.

Но как-то
с сыном
ехал на пикник
Сэр Ласки,
именитый биржевик.

Мосты.
Дома.
Рекламы.
Видит сын:
За стёклами машины —
Магазин.
— Гляди, отец, —
Нарядное пальто!

И вмиг
К подъезду катится
Авто.

Витрина.
Шепчет Ласки:
— Милый Бен,
С тебя он ростом,
Этот манекен.

Захочешь ты —
И нам покупку тут
Хоть с манекеном вместе
Завернут.

Подумал Бен,
Потрогал свой берет:
— Мальчишка этот
Кукла или нет?
Хотел бы я
Схватить его за нос!

И лбом
К стеклу витрины
Бен прирос.

Но отскочил
И крикнул:
— Папа! Ой!
Мигает он глазами,
Как живой.

И правда:
У парнишки за стеклом
Глаза большие
Вспыхнули огнём.

— Не смейся,
злой мальчишка! —
Слышит Бен.
— Я мальчик,
Я совсем не манекен!
Убит
мой папа
Немцами в бою.
За корку хлеба
Я в окне стою!

И что-то он
Ещё сказать хотел,
Да продавец, как ястреб,
Налетел
И начал бить ребёнка.
И на том
Сэр Ласки сыну вымолвил:
— Пойдём!

А вечером по улице широкой
Малыш голодный медленно бредёт.
В лохмотьях грязных, мальчик синеокий
Ни хлеба, ни работы
Не найдёт.

Вдоль мрачных зданий
Тянется дорога.
Куда ж итти бездомному в ночи?
И шепчет мальчик:
— Вырасту немного,
Побью вас всех,
Злодеи-богачи!

Перевёл с украинского Лев Гинзбург

А. НЕКРАСОВ

На этой картинке художник нарисовал маленький уголок морского дна.

Вот слева, в нижнем углу, притаился большой краб. Зазевается глупая рыбка, подплывёт поближе, краб кинется, схватит её своей зубастой клешнёй — тут рыбке и конец.

А в середине картинки страшная рыба акула-кошка. Зубы у неё частые и острые, как зубья пилы. Акула всегда голодна. Ей на глаза лучше не попадаться. Вот поэтому и торопятся изо всех сил бычки-бабочки — маленькие красивые рыбёшки.

Слева от акулы хищная рыба — зубатка. Она плавает у самого дна и пожирает всякую живность.

А внизу, на песке, лежат камбалы. Плавает камбала медленно, и панцыря у неё нет. Она по-своему приспособилась: лежит на дне плашмя на одном боку, на другой и перевернуться не может. У неё и глаза сползли на один бок, и рот набок съехал. А чтобы враг не заметил, она ещё и маскируется: ляжет на траву и позеленеет, как трава; на чёрном камне устроится — сама почернеет; расположится на песке — и сама станет, как песок: жёлтая, в крапинку.

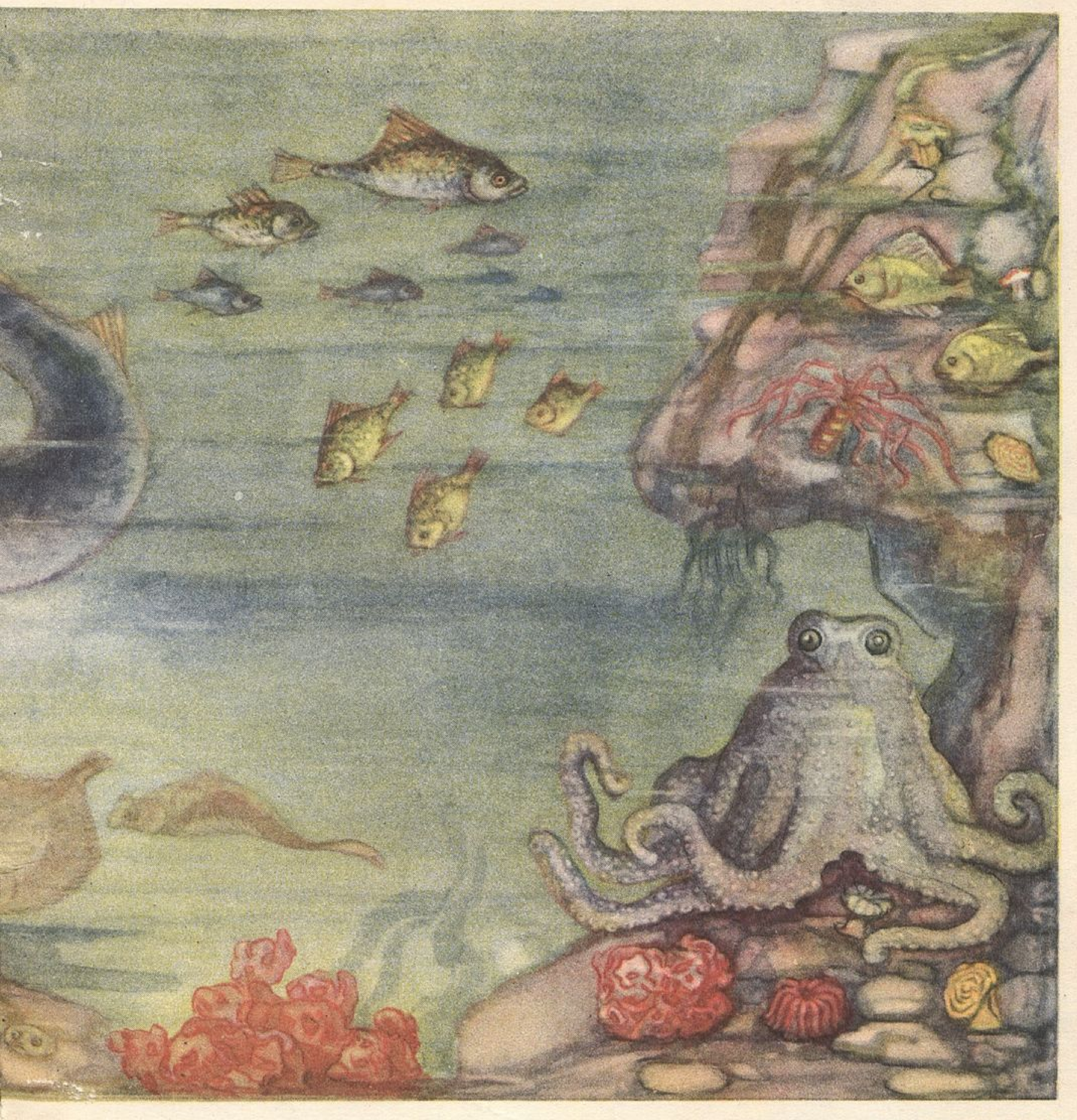

Рис. М. СИНЯКОВОЙ

А в правом углу, под камнем, засел спрут-осьминог. Как увидит добычу — бросится, обовьёт её страшными щупальцами и сосёт не спеша. А если на него самого нападёт сильный противник, осьминог выбрасывает цветную жидкость и, как за дымовой завесой, прячется от врага. Слева, рядом с крабом лежит на песке морская звезда.

А вот эти красные и жёлтые — не то цветы, не то грибы — это актинии. Они сидят на дне на одном месте и чуть шевелят цветными усиками. Рыбёшка подплывёт посмотреть: что там шевелится? А тут сразу со всех сторон усики опутают её и затянут в пасть коварного хищника.

Но есть, конечно, и мирные жители в глубинах моря. Вот кораллы, например. Каждый коралл строит свой крошечный домик; потом коралл умирает, а домики остаются. Из этих домиков вырастают на дне моря целые подводные горы.

Есть и другие жители в море. Но не всех ещё видели люди. С каждым годом глубже проникают наши учёные в морские глубины, с каждым годом полнее раскрывают тайны жизни морского дна.

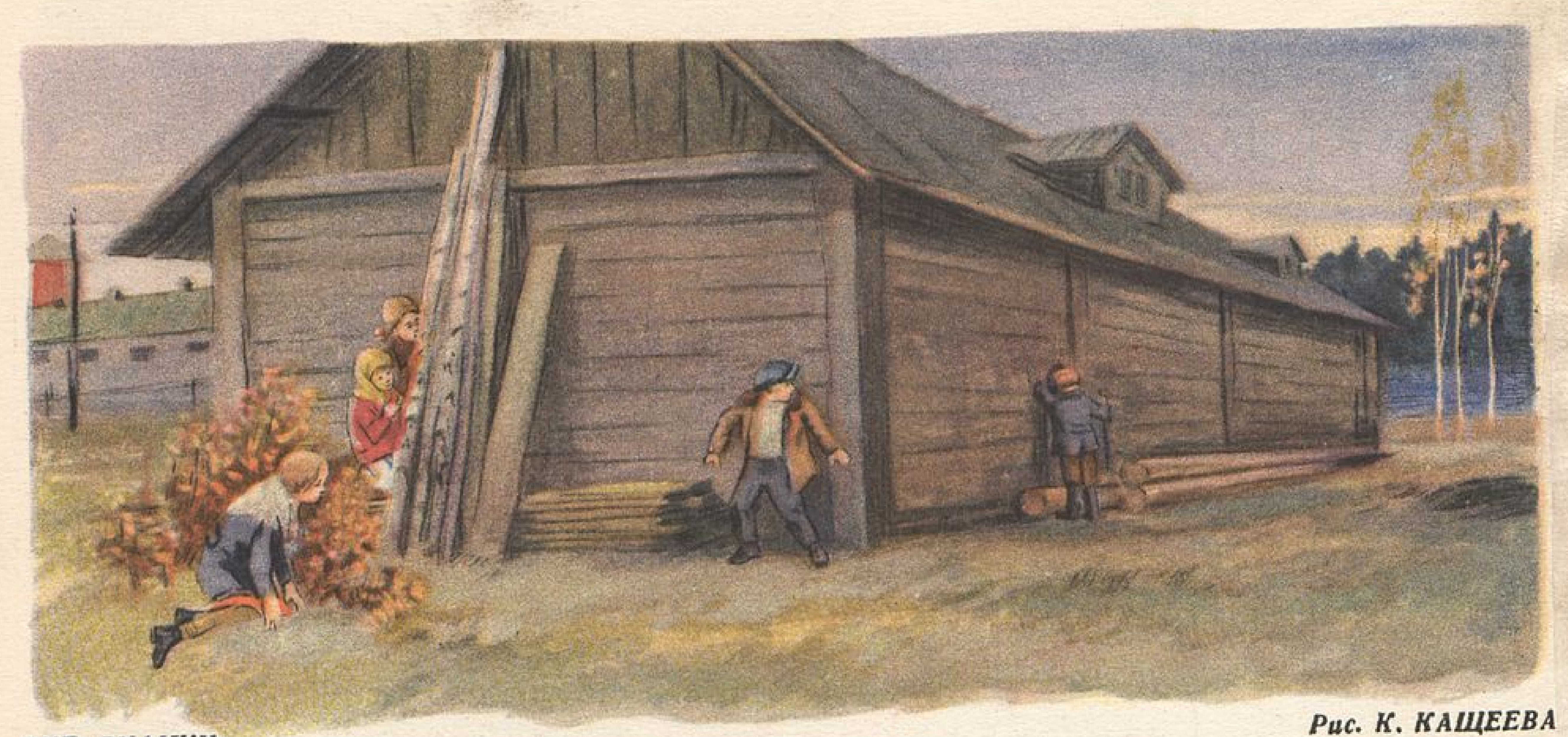

Рис. К. КАЩЕЕВА

ВИТ. БИАНКИ

КОСОЙ САНЬКА

(Из рассказов старого охотника)

Прятки — игра не одним людям — всему свету известная. Лесом идёшь — много глаз на тебя глядит. За каждым шагом твоим следят. А ты и не видишь, кто с тобой в прятки играет.

Не далее как прошлой осенью один случай был у нас в колхозе.

Вечером затеяли пятеро наших ребятишек — Ваня, Маня, Таня, Паня и Саня — игру у сенного сарая. Им бы спать пора ложиться: сумерки уже начинаются. Ребятишки-то всё мелкие, — долго ли до беды?

Стали ребята в круг, каждый свои два кулачка перед собой выставил. Сосчитались:

— Шла кукушка мимо сети,
А за нею — малы дети,
И кричали: «Ку-ку, мяк!
Убирай один кулак».

На кого «мяк!» выпадает, тот один кулачок убирает.

Потом по второму разу считаются, по третьему, — пока у последнего один кулачок не останется. Этому, значит, водить.

Водить выпало Ване.

Ваня взял палочку-выручалочку, стал носом к стене сарая, глаза себе закрыл. Стоит и выкрикивает:

— Раз, два, три, четыре, пять, —
Я иду искать!
Раз, два, три, четыре... десять, —
Я иду искать на целый месяц!

Когда всё до конца выкрикнул, палочку к стене приставил и поскорей обернулся.

Ребятишки давно успели спрятаться, кто куда. Никого нет.

Только — глядь! — чьи-то ноги брык-брык! — под сарай лезут, под дальний угол. И пропали там.

— Вижу, вижу! — закричал Ваня и бегом к тому углу.

А в это время из-за другого угла сарая — Таня с Паней, а из-под куста — Маня. И — к палочке-выручалочке.

Стук, стук, стук! — и все трое дома.

Ну, да Ваня на них только рукой махнул: пускай! Одного-то он приметил, уж этот от него не уйдёт.

Добежал до угла.

— Вылезай! — кричит в дыру под сараем. — Вылезай, Санька, вижу!

Сам, конечно, ничего не видит, потому что под сараем яма, а в яме темно. Да ведь чьи-то ноги под сарай лезли? Лезли. Чьи же, как не Санькины? Девчонки уж все дома.

А тут сам Санька выскакивает в стороне

из канавки — и бегом к палочке-выручалочке.

Надо бы и Ване скорей к ней, чтобы первому постучать, да он растерялся.

Как же так: ведь Санька под сараем сидит!

И Ваня ещё раз крикнул в дыру:

— Вылезай, Санька! Всё равно вылезай!

Девчонки так со смеху и покатились.

А Саня уж у палочки: стук, стук, стук! — и кричит:

— Вот он — я! Води-ка в другой раз!

Тут Ваня опомнился. А от угла не идёт.

— Ребята, — говорит, — тут что-то не так. Тут с нами ещё кто-то в прятки играет. Вот сюда залез, я своими глазами видел.

Ребятишки к нему. Он стоит белый, как берёза, глаза большие и шепчет:

— Вот тут, вот тут сидит. Я ноги видел. Лезет — ногами брыкается.

Ребятишкам не по себе стало.

Сумерки гуще. Лес — рукой подать. И стоит тёмный, страшный. В лесу — волки, медведи и — как знать? — ещё кто-нибудь.

Неизвестно, кто под сарай забрался. Сидит там...

Санька — боевой парнишка — как крикнет толстым голосом:

— Кто там в яме? Объявись!

А под сараем как шебуршнёт!..

Таня, Паня, Маня как взвизгнут, как припустятся бежать!

Хорошо — на меня набежали, как раз я из лесу шёл с охоты. Еле их остановил.

Рассказали мне всё, как было.

Вижу — дело серьёзное. Пошёл к сараю. Девочки за мной — издали.

Саня и Ваня стоят у угла, в руках уже колья у них: хотят в яму торкать.

— Обождите, — говорю. — Погляжу раньше.

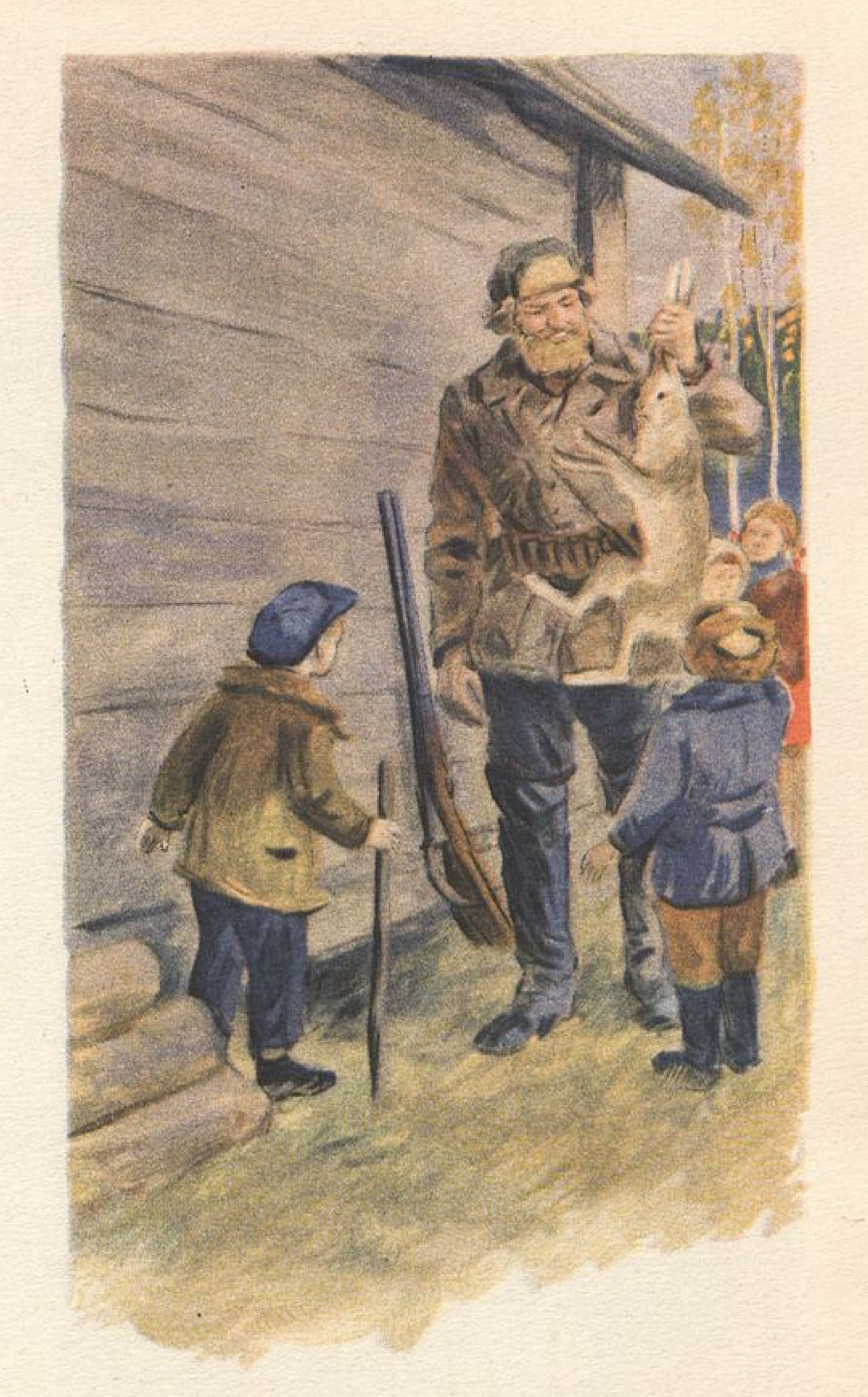
Поставил я ружьё к стенке, опустился на четвереньки, чиркнул спичку.

Батюшки-светы, кто под сараем-то сидит!

Я руку туда — и цап его за уши!

Уж как он брыкался, — так за уши и вытащил его ребятишкам.

— Видали, кого испугались?

Заяц, здоровый русачина! Вот глупый, куда спрятаться вздумал!

Косой этот всю зиму потом у девочек в избе жил. Совсем ручным стал. Девочки его так Санькой и прозвали.

Забьётся бывало под печь — спит там. А крикнут ему: «Санька, вылезай! Вылезай, Санька!» — сейчас и выскочит. Дескать, не дадут ли капустки?

Не очень-то, значит, глупый.

Да уж там глупый — не глупый, а тот раз маху дал: чем ему с ребятишками в прятки играть, под сарай лезть, — сыграл бы лучше с ними в догоняшки. Припустил бы назад к лесу, откуда пришёл, — кто б его догнал? Он ногастый.

В. ЧАПЛИНА, Г. СКРЕБИЦКИЙ

Кто как

1. Синица

Сковали зимние морозы озёра и реки. Засыпали землю глубокие снега. Пустынно в лесу и в поле, только холодный ветер гуляет да метёт по земле седую, колючую позёмку.

Трудно синичке зимой еду добывать: попрятались букашки, червячки — вот она и жмётся к жилью человека. Где корочку отыщет, где зёрнышки поклюёт, так и прокормится всю долгую, суровую зиму.

2. Дятел

Зайди зимою в лес и послушай: откуда-то из глубины слышится частый стук, будто кто-то молоточком по дереву постукивает. Это дятел в своей «кузнице» «работает». Кузницей дятла называется расщелинка в дереве, куда он шишки долбить носит. Сорвёт дятел еловую или сосновую шишку, вставит её в расщелинку дерева и начнёт из неё семена выколачивать. Этими семенами он всю зиму питается.

3. Волк

Туго волкам зимою приходится, негде им скотинкой поживиться — не то что летом на пастбище. Зимою весь скот по дворам стоит. Бегают волки целыми стаями, ищут, где бы еду раздобыть. Другой раз по нескольку дней голодные бродят. Бывает, так от голоду осмелеют, что заберутся ночью в деревню и прямо из-под крыльца собаку утащат или овцу из хлева унесут. Много волки вреда человеку приносят.

зимует

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

4. Тетерев

Летом тетерев кормится на земле разными лесными ягодами — черникой, брусникой, а зимою вся земля снегом покрыта. Ягод из-под снега уже не достать. Зимой тетерев берёзовыми серёжками питается.

На ночь забираются тетерева под снег, там и спят. Под снегом им тепло — ни мороз, ни холодный ветер не страшен.

5. Белка

Белка на зиму в тёплую серую шубку одевается, да только и она не всегда от холода спасает. Как подует ветер, начнётся метель, белка спешит в своё гнездо спрятаться. Заберётся туда, свернётся клубочком да ещё сверху пушистым хвостиком прикроется.

А захочется белке поесть, вылезет из гнезда и начнёт хвойные шишки обгрызать или по своим кладовочкам шарить, разыскивать, что ещё с осени запасла: сухие грибы, орехи, жолуди.

6. Зимовка птиц

Есть в нашей стране такие места на юге, где и зимой тепло, греет солнышко, не бывает ни льда, ни снега. Вот в таких-то местах, у берегов тёплых морей, собираются зимовать сотни тысяч разных птиц. И кого-кого там только нет! На воде плавают утки, гуси, лебеди, а у берегов, по отмелям, разгуливают кулики, длинноногие цапли. Все они собрались сюда на зимнюю квартиру Здесь им тепло, и корма много. А когда наступит весна, полетят они назад, на север, вить гнёзда и птенцов выводить.

Н. АРТЮХОВА

У этого дедушки много внучат.
Внучата на дедушку часто ворчат,
На улице дедушка к ним пристаёт,
За пальцы хватает, за ушки дерёт,
Кусается, щиплет, доводит до слёз...
У внуков краснеют и щёки и нос...
Но вечер счастливый приходит
в году,
Сердитого дедушку в гости я жду.
Подарки приносит, и добрый на
вид,
И все веселятся, никто не ворчит!

Л. ВОРОНКОВА

Рис. В. КОНОВАЛОВА

Что случилось у житницы

— Что такое всё трещит и трещит около житницы? — сказала Таня. — Машина, что ли, какая?

— Пойдём посмотрим, — сказала Алёнка.

Они пришли к житнице. А там уж все ребятишки собрались. И Дёмушка, Алёнкин братишка, впереди всех стоит и смотрит.

Под навесом и в самом деле стояла машина — новенькая голубая сортировка. Колхозники сортировали овёс. Кладовщик и председатель взвешивали овёс на больших весах и засыпали в сортировку. А сортировку вертел парнишка — Серёжа Таланов. Как завертит ручку, так сортировка сразу и затрещит, как трещотка — чётко, весело, по всей деревне слышно. Лёгким дымком взлетала над сортировкой пыль, а внутри, под голубой деревянной обшивкой, ровно шуршали овсяные зёрна.

Таня подошла поближе:

— Серёжа, дай покрутить, а?

— Покрути, — сказал Серёжа.

Таня подошла к сортировке, взялась за гладкую ручку, подёргала, а ручка не крутится.

— Очень туго, — сказала Таня.

— Дай я помогу, — сказала Алёнка.

Они вдвоём взялись за ручку и еле-еле повернули. Сортировка затрещала, только

медленно, лениво... Закачались внутри решёта и сита, посыпался, зашелестел овёс.

— Сортирует! — обрадовался Дёмушка. — Работает! Дайте я тоже поверчу! — И полез к сортировке.

Но Алёнка закричала:

— Отойди! От горшка — два вершка, а тоже к машине лезет!

Тогда за Дёмушку заступились сразу все его товарищи — и Юра Грачёв, и Егорка, и Ваня Берёзкин. Они тоже полезли к сортировке.

— Только всё вы будете вертеть? А нам когда же?

Подняли крик, начали драку.

— Что, ваш, что ли, овёс?

— А ваш?

— Наш!

— А может — наш!

Серёжа уж и не рад был, что пустил их к сортировке.

— Уходите отсюда, вертельщики! Вот налетели, как воробьи, да ещё и дерутся!..

И неизвестно, кто победил бы: Таня с Алёнкой, Дёмушка со своими товарищами или Серёжа прогнал бы их всех. Но тут случилось вот что: с колхозного двора вдруг выскочил молодой бычок и с рёвом побежал по деревне. Бычку надоело стоять в стойле, он бегал, играл и рыл снег то рогами, то копытами. Лишь только бычок выскочил на улицу — ребят от сортировки будто ветром сдуло: все забились под житницу. Сидят там и смотрят, как рыжий бычок на улице бушует.

Потом пришёл скотник дядя Павел, взял бычка на верёвку и повёл обратно во двор. Тогда и ребятишки один за другим вылезли из-под житницы.

— Ну что, трусы, попрятались? — сказал Серёжа. — Другие взяли бы хворостину да стали бы своё добро защищать, а то «овёс наш, овёс наш!» — а сами все под житницу залезли!

— Да, защищать!.. — проворчала Таня.

— Да, хворостину!.. — проворчала и Алёнка.

А больше и не знали, что сказать. Ответили и пошли. И больше не стали просить покрутить ручку у сортировки... А жалко! Очень интересно она рокочет, когда вертят ручку. А овёс внутри сыплется.

Откуда ветер дует

Народная сказка

Как-то раз повезло медведю на охоте — умудрился Мишка куропатку живьём поймать, да ещё какую жирную — прямо объяденье!

Хотел было Мишка её сразу съесть, да потом раздумал.

«Пойду-ка я, — думает, — по лесу пройдусь, покрасуюсь. Пускай все звери моей добычей полюбуются да мне позавидуют. Полно им меня неуклюжим да косолапым звать — пусть знают, что я за охотник!»

Примял Мишка куропатку зубами, не до смерти, а так, слегка, чтобы не вырвалась, — и ну шагать по лесу, кусты мять, деревья валить.

А навстречу косолапому — кума-лиса. Остановился медведь, подбоченился, нос повыше задрал и ждёт, что ему лиса скажет.

А лиса, как назло, будто ничего не замечает. Тоже нос подняла, воздух нюхает, а Мишки с куропаткой словно и не видит!

Досадно стало Мишке. Подошёл он поближе и ворчит сквозь зубы — куропатка-то во рту!

— Гм-гм! Хм-хм!

Тут лиса его заметила.

— А, это ты, Мишенька? Здравствуй! Погода-то нынче какая! Прямо благодать! Только что-то не пойму: откуда сегодня ветер дует? Ты не скажешь ли?

А Мишка опять сквозь зубы ворчит — куропатка ведь живая.

— Гм-гм!

— С юга, говоришь? — спрашивает лиса. — Да нет, словно бы не с юга!..

А Мишка опять:

— Хм-хм!

— Ничего я, Мишенька, не разберу, — говорит лиса. — Каша у тебя, что ли, во рту? Или зубы растерял? Не ворчи ты, сделай милость, а говори толком: откуда ветер дует?

Тут уж Мишке невтерпёж стало: разинул он пасть да как рявкнет:

— С запада!

И не успел он это слово выговорить, куропатка — фрр! — и поминай её как звали!

Вот Мишка давай лису ругать.

— Из-за тебя, дурища, — говорит, — я своей добычи лишился! Где она, куропатка-то? Где? А ведь какая была жирная да вкусная — до сих пор слюнки текут!

А лиса — ну хохотать! Хохочет, а сама за бока держится, чтобы со смеху не лопнуть.

— Ой, уморил! Ох, и чудак же ты, косолапый! Ты куропатку упустил, а я виновата! Я-то тут при чём?

— Да как же, — говорит медведь. — Зачем ты спрашивала, откуда ветер дует? Всё из-за вопросов твоих и вышло!

А лиса — опять до слёз хохотать. Насилу успокоилась, слёзы утёрла и говорит:

— Чудак ты, Мишка! Не вопросы мои, а глупость твоя виновата! Я ведь тебе говорила, чтобы ты толком отвечал! Вот кабы у меня во рту куропатка была, да меня бы спросили, откуда ветер дует, — я бы ни в жизнь не сказала «с запада».

— А как бы ты сказала? — удивился Мишка.

А лиса челюсти покрепче стиснула да сквозь зубы процедила:

— С севера! С севера, Мишенька!

Пересказал Б. Вест

Загадки

Рис. Ф. ПОЛЕШУК

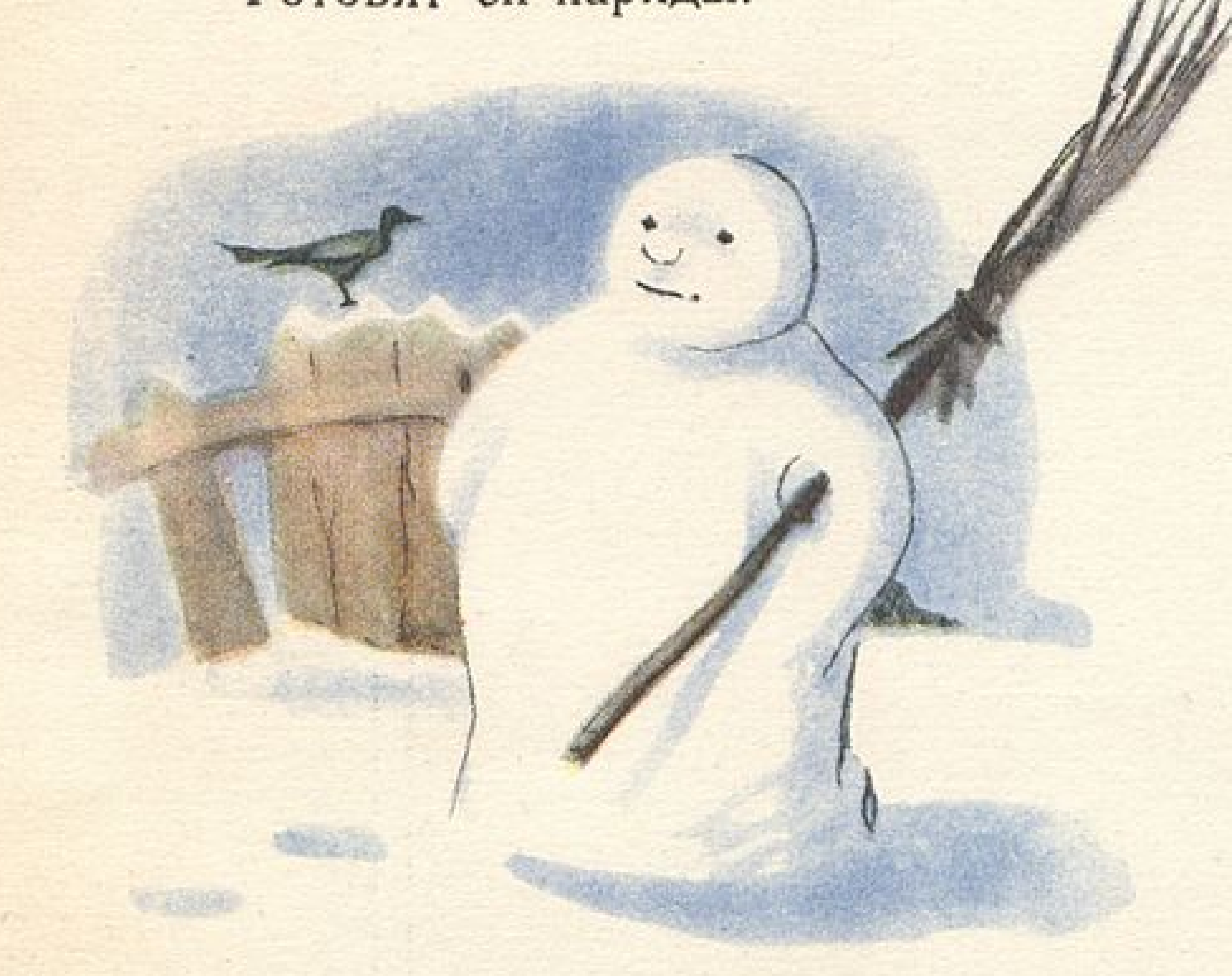
М. ДАВЫДОВСКИЙ

Он всегда стоит с метёлкой,
Но не хочет чистить снег.
Не могу понять я толком,
Кто же этот человек?
Почему ему морозы
И метели нипочём?
Почему весною слёзы
По нему бегут ручьём?

Н. АРТЮХОВА

Её всегда в лесу найдёшь,
Пойдём гулять — и встретим.
Стоит, колючая, как ёж,
Зимою в платье летнем.
А к нам придёт
Под Новый год,
Ребята будут рады.
Хлопот весёлых полон рот, —
Готовят ей наряды!

Сверху одеяло
На землю упало,
Самой лучшей ваты
Мягче и белей.
Травкам и козявкам,
Всем зверюшкам малым
Спать под одеялом
До весенних дней!

Первыми прислали правильные ответы на загадки, напечатанные в № 8: Ноэль Газизов (г. Сталинабад, Таджикская ССР), Галя Солодовникова (г. Таллин, Эстонская ССР), Швеина Ира (г. Куйбышев), Панфилова Лена (г. Ленинград), Таня Белова (г. Сталинград), Кама Сдобникова (г. Баку), Ванико Дидаров (г. Тбилиси), Сергей Маренников (г. Хабаровск), Володя Дюков (г. Зарайск), Ю. Пятницын (с. Кетово Горьковской обл.).

Рис. А. ПОРЕТ

СДЕЛАЙ САМ ИГРУШКИ НА ЁЛКУ

Переведи эти рисунки на плотную бумагу, вырежь две половинки, раскрась их с двух сторон, как показано на рисунке, и склей по краям, проложив немного ваты между бумагой, чтобы игрушки были выпуклые.

Рисунок на обложке С. БОЙМА

Рукописи не возвращаются

Техн. редактор А. ГУБЕР

Год издания двадцать пятый

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д-3-23-93, доб. 1-08. Подписано к печати 15/XI 1948 г. А09219. Объём 3 печ. л. 2,8 уч.-изд. л., 33 000 зн. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 2077.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущёвская, 21.